

54. См.: Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / Пер. с нем. СПб., 2007. С. 45 слл.

55. Даже исследователи, придерживающиеся этатистского взгляда на характер римского республиканского общества, которое, насколько можно судить, было максимально институционализированным из всех античных сообществ, вынуждены признавать, что «римская конституция включала такие элементы, как государственная (?! – *М. III*) этика, авторитет и опыт», а неписанные обычаи подлежали столь же неукоснительному исполнению, как и законы (Дементьева В. В. Указ. соч. С. 156).

Maxim V. Shisterov

ANCIENT POLIS AS A PHENOMENON SCIENTIFIC IMAGINATION ("City-state", "Stateless Society", "State without Bureaucracy": Aspects of Conceptualization)

Abstract: The author considers the problem of the ancient polis as a scientific category. The article discusses several conceptual approaches to policy ("city-state", "stateless society", "state without bureaucracy"). The author considers the discussion points in the understanding of the policy by modern researchers.

Keywords: polis, historiography, the city-state, a stateless society, without government bureaucracy.

Е.С. Соколова

Соколова Елена Станиславовна, доцент кафедры истории государства и права Уральской государственной юридической академии, кандидат юридических наук, доцент.

СЕМАНТИКА ОБРАЗА ГРАЖДАНИНА-ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦА И ПРОБЛЕМА «УПАДКА НРАВОВ» В ЛАТИНСКОЙ НАРРАТИВНОЙ ТРАДИЦИИ ЭПОХИ РАННЕГО ПРИНЦИПАТА: ОПЫТ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

Аннотация: В статье рассматривается проблема разрушения в эпоху ранней Римской империи традиционной модели гражданина-землевладельца, что сопровождалось усложнением семантического языка природного ландшафта и загородной виллы. Нивелировка этических ценностей республиканского периода связывается автором с процессом

территориального расширения Рима и постепенного укрепления властно-административных структур имперского типа.

Ключевые слова: античный Рим, гражданин-землевладелец, сельская вилла, принципат, Октавиан Август. Варрон. Колумелла. Витрувий.

Около 37 г. до н.э. влиятельный римский всадник Марк Теренций Варрон завершил работу над трактатом «De re rustica» по теории и практике сельского хозяйства, в котором наиболее почетное место было отведено самой «необходимой и великой науке земледелия». Предмет ее изучения он видел в том, «... что на каком поле следует сеять и делать, чтобы земля приносила самые большие урожаи» (1).

Формально рассуждения Варрона об особенностях земледелия были адресованы его жене Фундании, мало искушенной в тонкостях сельской жизни, однако вряд ли образованная читательская аудитория того времени приняла этот литературный прием за чистую монету. Автор нового сочинения на сельскохозяйственную тему был хорошо известен в ученых кругах как видный политик и убежденный сторонник восстановления древних республиканских традиций в духе патриархальных нравов. Вместе с Цицероном он обучался филологии у Люция Элия Пресконина Стилона, благодаря влиянию которого на всю жизнь сохранил интерес к изучению древних лингвистических конструкций, литературы и истории (2). Не выглядит случайностью и обращение Варрона к вопросам сельского хозяйства. Он безоговорочно придаст земледельческим знаниям статус науки, изначально отказываясь от изложения домоводческих аспектов усадьбного быта в пользу изыскания способов для повышения урожайности в полеводстве и садоводческом деле.

Текст Варрона насыщен реминисценциями и прямыми отсылками к многочисленным руководствам по земледелию и домашнему хозяйству. В I в. до н.э. на фоне роста крупного землевладения это были весьма востребованные образцы жанра агрономической литературы в среде зажиточных римлян. Нежизнеспособность мелких и отчасти средних хозяйств в значительной степени объяснялась слабостью их экономических позиций, возникшей под влиянием быстрого развития виноградарства и садоводства. Дальнейшие перспективы традиционной зерноводческой отрасли зависели от интенсивности введения новых агротехнических приемов, способных повысить общую доходность рядового сельского имения. Вопросы развития агрокультуры и введения рациональной организации хозяйственного быта в деревенской усадьбе пользовались большим вниманием образованных и состоятельных римских граждан. Им были хорошо известны не только переводные труды Маго-

на, Феофраста и Ксенофонта, но и все отечественные новинки по агрономической тематике.

Являясь по стилю мышления скорее кабинетным ученым, а не знатоком-практиком, Варрон ставил перед собой энциклопедическую задачу систематизации всех накопленных в античном мире знаний о способах преобразования природного ландшафта с целью получения устойчивых урожаев в каждом климатическом регионе Римской державы. Трактат Варрона содержит мало практических примеров и рекомендаций. Вместо них автор конструирует хорошо продуманную компиляцию из предшествующей агрономической литературы и философского наследия аристотелизма, отдавая предпочтение греческим источникам в тех случаях, когда речь идет о введении в италийском хозяйстве научно обоснованной практики севооборота и сидерационной системы земледелия (3).

Историческое значение диалога «De re rustica» не ограничивается вышеприведенными соображениями. Его смысловая насыщенность отличается концептуальным многообразием и выходит за пределы специальных рассуждений о сроках сева и принципах классификации почв. Безусловно, они представляли для Варрона интерес и сами по себе, но, тем не менее, приобретали в ряде случаев и продуманное политическое звучание. С политико-правовой точки зрения созданный им текст является продолжением земледельческого дискурса, разработанного Марком Порцием Катонем Старшим в контексте идеи возрождения старинных патриархальных нравов. По мере распада традиционных республиканских институтов власти она приобретала все более актуальное звучание. Будучи поборником обращения к нравственно-политическому опыту старины на государственном уровне, Варрон уделяет немало внимания этической проблеме упадка гражданских ценностей. Его основное проявление он видит в пренебрежении большинства своих современников земледельческими традициями «великих предков». Прочно забытой оказалась истина о том, что Рим был создан потомками пастухов, которые справедливо провозгласили тех, «... кто сидел в городе ... совершенными бездельниками по сравнению с теми, кто возделывал землю» (4).

По мнению Варрона, близость первых римлян к природе принесла великую пользу как им самим, так и политическому состоянию гражданской общины, способствуя крепости здоровья и трудолюбию. Укрепление их нравственного характера римского гражданина происходило по мере постепенного окультуривания быта под влиянием развития способности человека к подчинению природы его воле, основанной на хозяйственных потребностях. Согласно Варрону, отношение древних людей к окружающей их природной среде отличалось умением интуи-

тивно проникнуть в сущность ее внутреннего закона, действуя в соответствии с собственными потребностями, но не во вред земле. Этот дар, очевидно, преподнесла человеку сама природа, связанная с ним кровными узами, ибо первой ступенью нашей жизни в незапамятную старину «была жизнь естественная, когда люди жили тем, что девственная земля добровольно несла им». Приручив ради собственной пользы лесных животных «кроткого нрава» и способных жить совместно с человеком, древние люди перешли к пастушеской цивилизации, откуда «спустились на третью ступень, к земледелию», удержав на ней «многое от двух предшествующих» (5).

Варрон не анализирует социально-экономических предпосылок упадка гражданских нравов в современном ему Риме, выдавая следствие за основную причину. Он справедливо указывает на тот факт, что в период Поздней Республики откупа на пшеницу из Северной Африки и Сардинии наряду с импортом греческого винограда составляли серьезную конкуренцию для итальянских хозяйств. Ответственность за подобное положение дел должны нести нерадивые хозяева. Презрев старинные обычаи, они стали потихоньку перебираться на постоянное жительство «... в городские стены и, оставив серп с плугом, предпочли работать руками в театре и цирке ...». Оставшиеся в деревне сделали выбор в пользу приобретения быстрого и легкого дохода вместо постоянного труда в поле или винограднике. Результатом стало превращение нивы в пастбище, а ее плодородие оказалось уничтоженным на несколько десятилетий вперед (6).

Критическое отношение Варрона к попыткам отдельных хозяев поднять доходность своих имений за счет разведения домашнего скота в ущерб полсводству не исключало его интереса к заключению «великого союза» между пахарем и пастухом, в тех случаях, когда это может принести ощутимую экономическую выгоду. Мысль о необходимости разумного сочетания земледелия и скотоводства в какой-то степени была подсказана ему этическими соображениями, направленными на решение проблемы упадка нравов компромиссными методами. Именно с этой целью он предлагает свой вариант политической мифологизации образов Ромула и Рема, отголоски которого найдут свое окончательное воплощение при Октавиане Августе в историографической и литературно-художественной традиции идеологического обоснования необходимости возрождения древних нравов.

По словам Варрона, «... в древности самые значительные люди были пастухами ...», что хорошо видно из старинных преданий о золотом руне и произведениях архаических поэтов, где все прославленные герои владели стадами ягнят, овец и быков. Пастушеский образ жизни вели и легендарные сыновья Реи Сильвии у своего приемного отца Фау-

стула. О буколическом прошлом римского народа напоминает законодательство, основанное на древнейшем обычае, согласно которому «за многие проступки и сейчас еще ... платится штраф волами и овцами ...». Составляя карты звездного неба, астрономы дают названия многих светил по домашним животным, а большинство из них начинает вести счет двенадцати знакам зодиака с Овена и Тельца, предшествующих божественным Близнецам (7).

Таким образом, в интерпретации Варрона древний быт пастухов, помимо своей несомненной экономической привлекательности, приобретает и ярко выраженную политико-правовую семантику, основанную на онтологических представлениях античного космоизма. В качестве дополнительных доказательств, подтверждающих тезис о соответствии пастушеской жизни естественному закону, он приводит аргументы как мифологического, так и лингвистического характера. С этой целью Варрон предлагает своему читателю вспомнить обычай, напоминающий о баснословных обстоятельствах основания Рима, согласно которому при закладке нового города «бык и корова намечают места, где быть новым стенам и воротам». Тем же знаковым смыслом обладают с его точки зрения и некоторые родовые имена латинского происхождения, «...данные по названиям крупного и мелкого скота» (8).

Весьма существенный элемент теоретической модели возрождения старинных нравов, разработанной Варроном – его рассуждения о внешнем облике загородной усадьбы римского гражданина. Варрон был сторонником архаической простоты и поэтому предлагал оценивать застройку имения прежде всего с точки зрения ее функциональности. Его идеалом являлась непритязательная усадьба Катона Старшего, так как тот никогда не придавал большого значения внешней отделке дома. Во времена Варрона знаменитый Цензорий уже приобрел в сенатских кругах репутацию *vir vere Romanus* (истинного римлянина – E. C.), а его многочисленные моральные порицания согражданам за плохую обработку полей, вызвали довольно сочувственное отношение у латинских агрономических писателей.

Жалобы на излишнюю роскошь сельского быта встречаются и в диалоге «*De re rustica*», где Варрон с осуждением отзываясь о презрении зажиточных землевладельцев к завету предков строить так, чтобы усадьба соответствовала урожаю. Большинство богатых людей предпочитает действовать в соответствии «... со своими необузданными прихотями» (9). Не импонировала Варрону и чрезмерная, как ему казалась, забота его современников о расположении жилых помещений *villa suburbana* по сторонам света в погоне за излишним комфортом. Он с горечью сетует на то, что многие землевладельцы, бывающие в деревне только наездами, «...больше беспокоятся о том, чтобы летние трикли-

нии смотрели на прохладную восточную сторону, а зимние на солнечный закат...», вместо того, чтобы позаботиться о том, как лучше сделать окна «... в винном погребе или погребе для масла» (10).

Несмотря на лаконичность языка, составленное Варроном описание внешнего вида загородной римской усадьбы I в. до н. э., свидетельствует о значительной перемене вкусов и привычек состоятельного римского гражданина-землевладельца. Люди образованные и зажиточные уже предпочитали моральным сентенциям поклонников «старозаветных» времен бытовые удобства, позволяющие приятно провести время досуга за городом. Многие сельские усадьбы проектировались с учетом требований городского быта, приобретавших значение определяющего фактора при планировке жилых комнат загородного дома. Наряду с хозяйственными помещениями, в комплексе *villa suburbana* стали включать архитектурные элементы, предназначенные не только для увеличения комфорта усадебного быта, но и обладающие социально-репрезентативной функцией.

Богатый загородный дом обязательно имел роскошный и вместительный атриум, который играл роль прихожей и являлся местом для приема посетителей, не допущенных в частные покои. Владельцы больших вилл, как правило, предпочитали общественным баням постройку своих собственных, превращая их аподитерии в своеобразные закрытые клубы, где можно было провести время, не только ухаживая за собой, но и в приятной беседе с немногочисленными друзьями. Хорошо обеспеченные римляне хотели иметь в усадьбе и небольшую палестру, где, по греческому обычаю, можно было посвятить часть досуга занятиям упражнениями в борьбе. Внутренние дворы загородных домов украшались небольшими садами, водоемами и круглыми беседками, сидя в которых можно было созерцать звездное небо, наслаждаясь благоуханием цветов и журчанием водостов. Все это вызывало резкое неприятие Варрона, страстно обличавшего любое отклонение от архаических норм патриархального быта, как тлетворное влияние упадка гражданских нравов (11).

Идеализация сурового патриотизма прошлого лишь отчасти соответствовала идеологическому климату периода раннего принципата. Сосредоточив под своей властью все магистратуры с правом контроля над старыми республиканскими институтами, Октавиан Август осознал настоятельную необходимость закрепить достигнутый им политический успех на статусно-репрезентативном уровне. Годы принципата отличались расцветом науки и искусства, развитием градостроительства, системы образования и распространением римской цивилизации на периферии античного мира. Многочисленные инициативы Августа, направленные на возведение общественных зданий в Риме, обновление свяжи-

лиц и организацию театрализованных зрелищ массового характера, преследовали цель разработки визуальной формы «сценария власти», с помощью которого можно было внедрить в политическое сознание рядового римского гражданина мысль о легитимности институционального единства военных и гражданских полномочий принцепса. Их распространение с личности императора на подчиненную ему территорию Рах Романа требовало проведения масштабных и общедоступных мероприятий, демонстрирующих повседневную заботу Августа об интересах общего блага.

Фрагментарные сведения о визуально-мнемонических аспектах политической практики эпохи раннего принципата содержатся в материалах древнеримской историографии I в. н. э. Например, по словам Светония, после окончания гражданских войн застройка Рима стала одной из самых приоритетных задач Августа, уделявшего большое внимание благоустройству «Вечного Города». К концу жизни он по праву гордился тем, что принял столицу кирпичной, а оставляет мраморной. От своего имени Август построил новый форум, предназначенный для «уголовных судов и для жеребьевки судей». На форуме Августа размещался храм, посвященный Марсу-мстителю, покровительство которого должно было освятить все внешнеполитические мероприятия, направленные на «замирение провинций». Тут же вожди покоренных варварских народов приносили присягу на верность Риму, принимались решения Сената о войнах, триумфах и отправке наместников во вновь присоединенные земли. По свидетельству Светония, принцепс настоятельно требовал от видных граждан «украшать город по мере возможностей каждого, воздвигая новые памятники или восстанавливая или улучшая старые» (12). Образ Августа создавался Светонием в качестве своеобразного политического противовеса лицемеру Тиберию, безумцу Калигуле, и несобуданному Нерону. Он сознательно наделил своего персонажа чертами идеального правителя, которого отличает внутреннее благородство наряду с постоянной заботой о сохранении политической стабильности и внешнего величия Римской державы.

Близость Светония к историко-культурному окружению писателя, ритора и видного политика Плиния Младшего, связанного дружескими узами с императором Траяном, общеизвестна. Покровительство Плиния открыло перед ним возможность интересной для интеллектуала придворной службы. В 117 г. н.э. он становится служащим императорской канцелярии по научным делам (a studiis), ему поручается надзор за публичными библиотеками, а благодаря благосклонности императора-ученого Адриана, Светоний позже получает пост «заведующего перепиской», что дает ему доступ к делопроизводственным документам. Изменчивый и непостоянный, как все творческие натуры, Адриан не-

долго пользовался услугами Светония. По сообщению Элия Спартиана, в 122 г. н. э. его, вместе с начальником преторианцев Септицием Кларом и «многими другими» придворными, отстранили от занимаемых должностей из-за какой-то крупной интриги, где была замешана императрица Сабина (13).

Посвятив свой вынужденный досуг писательской деятельности, Светоний лишь внешне сохранял в историографическом творчестве облик любителя-антиквара, подмеченный Плинием Младшим, считавшим своего протеже Транквилла непрактичным человеком со всеми признаками *scholasticus*. При Антонинах стиль отношений принцепса и Сената, выработанный Августом, был признан наиболее приемлемым вариантом для функционирования политической системы Римской империи, а образ самого императора приобрел значение непререкаемого авторитета в сенатской историографии, материалами которой пользовался Светоний. Несмотря на общую тенденцию к созданию самодостаточной биографической зарисовки, без учета особенностей исторического времени, в его повествовательной манере хорошо прослеживается четкая концептуальная позиция.

Воссозданный Светонием образ принцепса отличается чертами гражданской умеренности и уважения к законности. Август ведет последовательную борьбу с привычкой римлян к произволу, пустившей прочные корни в период гражданских войн. Ради укрепления своей власти на легитимных основаниях он требует, «... чтобы никакое преступление или судебное дело не оставалось без наказания и не затгивалось», создав с этой целью четвертую судебскую дискурсию для разбора исков на небольшие суммы. Он проявляет заботу об укреплении социальной поддержки всех своих начинаний в сфере политики, выказывая в случае необходимости щедрость по отношению к низшим слоям граждан. В годы его принципата постоянные раздачи денежных подарков и дешевого хлеба нередко сопровождалась организацией публичных мероприятий зрелищного характера, в отношении которых Октавиан «... превзошел всех предшественников» пышностью, блеском и разнообразием (14).

Важным элементом моделирования визуальной формы «сценария власти» в первые годы принципата становится разработка мнемонических кодов общедоступного характера, вызванная идеологической потребностью в мифологизации «славного прошлого». При Августе изучение деяний предков, направленных на укрепление внутреннего благополучия и военной силы Отечества, было возведено в ранг государственной политики, способствуя формированию официального статуса римской историографии. Те же политические мотивы привели к возникновению некоторых крупных строительных инициатив, которые

Светоний приписывает воле принцепса. Например, при возведении нового форума, Август приказал специальным эдиктом поставить там статуи своих предшественников в триумфальном облачении. «объявив..., что это он делает для того, чтобы и его, пока он жив, и всех правителей после него граждане побуждали бы брать пример с этих мужей» (15).

В том же идеологическом ключе был выдержан и провозглашенный Августом внутриполитический курс на возрождение гражданских нравов старины. С этой целью он старался добиться равномерного сочетания законодательных инициатив с разовыми социально-политическими мероприятиями. Август, например, ввел новые законы о запрете роскоши, «...о прелюбодеянии и разврате, о подкупе, о порядке брака для всех сословий» и учредил должности, связанные с охраной городского благоустройства, строительством дорог и водопроводов, чтобы как можно больше граждан принимало участия в политической жизни (16).

Преодолевая глухое общественное противодействие предпринятой им кампании за возрождение старинной простоты нравов, принцепс стремился воздействовать на непокорных римлян собственным примером. Он восстановил после длительного перерыва должности цензоров и распорядился возратить моду на традиционную римскую одежду, не пуская в театр и цирк тех, кто в соответствии с греческим обычаем носил поверх тоги темные плащи. Под влиянием агрономических взглядов Катона Старшего Август стал убежденным сторонником государственного покровительства земледелию, что все же больше интересовало его с политической точки зрения, нежели как статья постоянного государственного дохода.

Война против роскоши, объявленная Августом, заставила его организовать свой частный быт в соответствии с принципом гражданской умеренности. Поселившись в небольшом доме Гортензия на Палатине, он выбрал для его отделки самый скромный декор из недорогого альбанского камня, и отказался от использования мраморных панелей для оформления жилых комнат. Свои загородные виллы Август распорядился построить в наиболее живописных римских окрестностях или на морских островах Неаполитанского залива, предпочитая горные террасы и тенистые рощи дорогам картинам и статуям. Искренний интерес к патриархальной старине проявлялся у него в коллекционировании антикварных предметов, связанных с преданиями о роли мифологических героев-полубогов в основании Рима.

Судя по сведениям несохранившихся античных источников, использованных Светонием, борьба против упадка нравов отличалась в годы принципата стремлением найти должную меру в соотношении между старым и новым. Август, например, охотно обращался в своих

сенатских речах к авторитету латинских писателей прошлого, желая напомнить, что не он первый заинтересовался политическими аспектами домоводства, «но уже предкам они были близки». Дочь и внуки императора даже освоили прядение шерсти, а сам Август предпочитал носить одежду домашнего изготовления, за исключением особо торжественных случаев.

Несмотря на скромное убранство императорских домов, их обитатели не отказывались от привычных к тому времени удобств, учитывая открытый образ жизни их владельца. По словам Светония, став императором, Август охотно развлекал гостей на своих загородных виллах и нередко раздавал им ценные подарки, стремясь поразить воображение окружающих. Вопреки объявлению войны против роскоши, в его жилых покоях расположенных на Палатине, был построен большой перестиль с фонтаном, где принцепс нередко проводил душные летние ночи в окружении рабов с опахалами (17). У стареющего Августа оказалось достаточно здравого смысла, чтобы не отказываться из идеологических соображений от комфорта, привычного для людей его круга. Тем не менее, он сохранял явный интерес к разработке визуально-мнемонических форм закрепления новых общегражданских ценностей в массовом сознании римлян.

Моделирование репрезентативных «сценариев власти», в которых элемент наглядности сочетался с продуманным использованием политико-правовой семантики архитектурно-природного ландшафта Вечного Города и его окрестностей, стало отличительной чертой внутренней политики Августа в сфере укрепления институциональных основ принципата. В период его правления теория и практика архитектуры превратилась в важное идеологическое средство воздействия на политическое и правовое сознание широких слоев римских граждан. Посвящая Августу свой теоретический труд об инженерно-технических принципах архитектуры, Марк Витрувий Поллион оценил заботу «императора Цезаря» о благоустройстве общественных и частных зданий как важный элемент установления стабильного правопорядка, укрепляющего величие империи в сознании самих римлян и покоренных ими народов (18).

Известно, что в III в. н. э. 6-я книга этого знаменитого архитектурного трактата, посвященная вопросам строительства частных вилл, была сокращена Марком Цецием Фавентином для практических нужд. К этому времени сформулированные Витрувием правила проектирования жилых зданий уже приобрели значение классических рекомендаций. Закрепленная в них формула прочности, функциональности и красоты полностью соответствовала эстетическим взглядам римских интеллектуалов и политико-правовому идеалу сторонников борьбы с упадком нравов (19). Не стоит забывать, что по мере постепенного ос-

лабления государственного строя императорского Рима модель идеального гражданина, активно содействующего реализации интересов Отечества, быстро теряла свою привлекательность даже для образованной элиты. В интеллектуальной среде осознание космологического смысла индивидуального бытия постепенно приобретало значение высшей нравственной ценности.

Выдвинутое Витрувием требование природного декора в качестве обязательного условия достижения абсолютной соразмерности здания было постепенно возведено в ранг философского постулата и подхвачено представителями позднего стоицизма. Зажиточные и влиятельные слои римского общества, нередко далские от серьезных интеллектуальных размышлений о сущности вечного закона Вселенной, но в силу различных обстоятельств вынужденные активно участвовать в борьбе за власть, охотно восприняли у Витрувия идею семантического ряда, отражающего статусное значение частной виллы. Разработанный им для Октавиана Августа справочник по вопросам строительства общественных зданий длительное время сохранял и свой ярко выраженный политический подтекст. До тех пор пока римские императоры имели возможность поддерживать свой социальный престиж визуально-репрезентативными средствами, актуальным оставался призыв к достижению пышности и величия архитектурного сооружения самыми экономичными средствами. Таким образом, Витрувий внес неоценимый вклад не только в теорию и практику строительного искусства античности, но и в официальную политическую доктрину императорского Рима, сумев угодить всем слоям гражданской элиты и обессмертить свое имя.

Косвенное подтверждение практической значимости рекомендаций Витрувия в сфере частного строительства содержится в более позднем трактате Луция Юния Модерата Колумеллы с традиционным названием «*De re rustica*». Несмотря на явную увлеченность его автора мифологическим образом гражданина-землевладельца времен Римской Республики, ему, как свидетелю политической нестабильности ранней Империи, была вполне очевидна постепенная дискредитация «старинного и мужественного уклада» земледельческой жизни. Он с горечью отмечает, что под влиянием тяги римской политической элиты к роскоши и изнеженности, распространенной под влиянием обычаев Востока, ходячим стало мнение о том, «...что сельское хозяйство дело грязное и что оно является занятием, для которого не нужно ни учения, ни руководства» (20).

Колумелла, например, с большой похвалой отзывался о Номентанском имении Луция Аннея Сенеки Младшего, «...человека выдающегося ума и знаний». Его усадьба славилась тем, что ежегодно «...каждый югер виноградника давал обычно по восьми мехов вина» (21).

Во времена эксцентричного императора Нерона, стремившегося превратить Рим в огромную сценическую площадку для грандиозного спектакля об истории становления латинского варианта восточной деспотии, подобные примеры встречались редко. Сенаторские круги были озабочены шаткостью своего политического положения и предпочитали проводить большую часть времени в столице, а разбогатевшие вольноотпущенники, среди которых было немало уроженцев Востока, из-за сил подражали распущенным нравам двора.

Мироощущение этих «новых римлян», не знающих как правильно распорядиться своими громадными состояниями, хорошо передано в литературной зарисовке Петрония Арбитра, составляющей центральную часть композиции его частично утраченного романа «Сатирикон». Фрагмент, известный под названием «Пир Трималхиона», посвящен изображению повседневного быта самодовольного богача из малоазийских греков. Разбогатев с помощью торговли, ростовщичества и различных сомнительных услуг, оказанных по случаю таким же мошенникам, как и он сам, этот одиозный персонаж бессовестно хвастается перед своими гостями суммой в тридцать миллионов сестерций (22).

Судя по тексту «Сатирикона», Петроний критически относился к увеличению земельных богатств у плебейских низов и был озабочен общим падением уровня сельского хозяйства при возрастающей тяге крупных землевладельцев к роскоши, не соответствующей реальному состоянию их латифундий. Стремление к пустому фанфаронству не позволяет Трималхиону уравновесить свои расходы надежными доходами, так как он постоянно находится в разорительных для его хозяйства поисках «куриного молока». Чтобы производить у себя дома аттический мед, который упоминается в эпитафиях Марциала как один из самых дорогостоящих продуктов, Трималхион заказывает себе из Афин пчел, надеясь, «...что и доморожденные пчелки станут лучше благодаря гречанкам». Другого посланца он направляет в Индию, за редкостными семенами груздей. Эти и подобные им другие «хозяйственные инициативы» не мешают Трималхиону откровенно пускать пыль в глаза своим легковерным и завистливым гостям, подавая им поддельное фалернское вино, якобы столетней выдержки (23).

В отличие от персонажей «Сатирикона» писатель и агроном Колумелла вращался в иной социальной среде, и его, как интеллектуала, прежде всего, волновал вопрос о той нравственной цене, которую вынужден платить человек за свое пренебрежение законами природы. Колумелла страстно обличает пороки своих соотечественников, моделируя образ анти-гражданина, проводящего ночи «... в пьянстве и разгуле, дни в игре или во сне» и считающего себя счастливым от того, что имеет возможность не замечать «... ни солнечного восхода, ни заката». Он

открыто противопоставляет моральную распущенность своего времени тем благославленным временам, когда самые видные политики «...жили по деревням», и если «...требовалось собрать ... совещание, их приглашали в сенат из усадеб» (24).

Обличая царящий в римском обществе упадок нравов, Колумелла проявляет серьезную обеспокоенность явным пренебрежением значительной части своих соотечественников к исторической памяти, образы которой значительно потускнели на фоне быстрого распространения гедонистических настроений. Нравственно-политическая направленность трактата «De re rustica» хорошо прослеживается в предисловии к его первой книге, посвященной рекомендациям по поводу покупки и строительства сельской виллы. Здесь Колумелла много рассуждает о влиянии земледелия на формирование гражданских доблестей, доказывая необходимость возвращения к заветам предков, когда сельским хозяйством «... занимались наилучшие люди и наилучшим образом» (25).

Избранные им аргументы носили привычный для древнеримской политико-правовой традиции характер и, в значительной мере, основывались на многочисленных реминисценциях из произведений Катона Старшего, Цицерона, Магона Пунийца, Варрона, Дионисия Галикарнасского, Тита Ливия и других авторов, настойчиво искавших ответ на вопрос о должном соотношении сельскохозяйственной деятельности и гражданского самосознания. На страницах своего агрономического сочинения Колумелла вновь обращается к хорошо знакомым его образованным современникам мифологизированным образам «подлинных потомков Ромула», ибо они, «...все время упражнясь ... в полевых работах, отличались крепким здоровьем и силой» (26).

По мнению Колумеллы, «...в приобретении земель, как и во всяком деле, должна быть тоже мера». Его идеалом является народный трибун IV в. до н.э. Гай Лициний Столон, осужденный по своему собственному закону, «...потому что в безмерной страсти к приобретению преступил ту норму землевладения», которую сам и установил, чтобы предотвратить запустение чрезмерно больших угодий. Колумелла призывает своих современников возродить славу Квинкция Цинцинната, Фабриция, Курия Дентата и других «...достопамятных вождей римского народа», неизменно пребывавших в стремлении «...защищать и возделывать земли, доставшиеся им от предков или завоеванные...» (27).

Задача превращения древнего Лациума в новую «землю Сатурна», дети которой вновь научатся упорным трудом добывать земные плоды, выводила на качественно новый уровень традиционный для античного миропонимания вопрос о месте человека в космическом мироздании. По мнению Колумеллы, умение искусно возделывать свой участок земли приходит в результате ежедневного наблюдения за небес-

ными светилами, направлениями ветров и особенностями текущих погодных условий. Тому, кто желает действовать на благо себе и другим, природа открывает множество тайн мироздания, обучая умению разбираться в свойствах почвы и потребностях многочисленных сортов винограда.

Важная особенность мировоззрения Колумеллы - его уверенность в необходимости эстетизации деревенского быта, что было не только несомненной данью веяниям времени, но расценивалось им как решающее условие философского постижения действительности гражданином-интеллектуалом. Он предложил определять результаты труда земледельца не только измерением количества и качества собранного им урожая, но и с учетом возможностей его творческого потенциала, направленного на преобразование природного ландшафта в соответствии с законами красоты. Для образованного гражданина вид висящего на ветках белого, желтого и пурпурно-красного винограда не только эстетически привлекателен, но и обладает глубоким знаковым смыслом. Созерцание осеннего виноградника напоминает ему о нравственных обязательствах перед «благословенной матерью-землей», из года в год щедро наделяющей тех, кто умеет постичь ее природу, своими дарами (28).

Интеллектуализация деревенских будней гражданина-землевладельца влекла за собой усложнение эстетических требований к внешнему виду *villa suburbana* и ее семантике. Концепция частного жилища, сформулированная Витрувием в соответствии с архитектурными критериями, получила в трактате Колумеллы свое дальнейшее обоснование с помощью разработки критериев нравственно-политического характера. Заимствуя у Катона Старшего мысль о необходимости строить имение так, чтобы хозяину было приятно приезжать в него, Колумелла придает ей иной смысл, более соответствующий повседневной практике его времени.

Подобно Катону Старшему, Колумелла требует от землевладельца умения устраивать быт по своим средствам, но добавляет, что жизненное пространство сельской виллы должно выглядеть как можно лучше, «чтобы охотнее приезжать в деревню и жить там с удовольствием». Особым эстетическим потенциалом отличается, по мнению Колумеллы, вилла, расположенная в некотором отдалении от моря, с окнами, выходящими на побережье, откуда можно наблюдать игру волн, вдыхая аромат морской соли (29). Эстетическая концепция трактата «*De re rustica*», несет в себе явный отпечаток прагматизма, свойственного древнеримскому мировоззрению. Жизнь в гармонии с природой означает в понимании Колумеллы умение создать наиболее благоприятные условия для повседневного существования обитателей усадьбы, чтобы

они, в свою очередь, могли извлечь пользу из сельскохозяйственной деятельности. Соображения здоровья и пользы предопределили и его обращение к строительным рекомендациям Витрувия о расположении жилых помещений в соответствии со сторонами света (30).

Несмотря на значительную долю утилитаризма, появление концепции сельского быта, одухотворенного образом усовершенствованной природы, свидетельствует о значительной трансформации модели идеального гражданина в древнеримском политическом сознании I в. н.э. Постепенная нивелировка этических ценностей республиканского периода, в значительной мере являлась оборотной стороной территориального расширения Рима и постепенного укрепления властно-административных структур имперского типа. Эти процессы получили неоднозначную оценку в интеллектуальных кругах римской политической элиты из-за неоднородности ее социального состава и различной степени близости к «коридорам власти».

Наиболее ретроспективный пласт дошедших до нашего времени немногочисленных латинских памятников политико-правовой мысли и историографии отражает настроения сенатских кругов, связанные с критикой нравственного упадка римского общества периода ранней Империи. Их авторы хорошо понимали необратимость социально-политических перемен, идущих на фоне укрепления имперской государственности. Тем не менее, отличительной чертой просенатской историографии являлось убеждение в том, что любая попытка ограничения статуса аристократии со стороны императорской власти ставит под угрозу естественное право на свободу (*libertas*). Таким образом, происходит разрушение понятия о гражданской доблести (*virtus*), которое полностью утрачивает свой смысл в условиях функционирования императорской власти (31).

Разочарование значительной части римских интеллектуалов в ценностном значении традиционного нравственно-политического идеала, сформированного в условиях полисной системы, существенно повышало их интерес к онтологии личностного бытия, что было неизбежным следствием размышлений о духовном смысле земного существования индивида. Идея причастности всех людей к космическому порядку постепенно превращалась в интеллектуальную форму оппозиции деспотическим тенденциям императорской власти, которые стали определяющей чертой политической деятельности ближайших преемников Октавиана Августа. В условиях внутривластной нестабильности императорского Рима возврат мыслящей личности к природе рассматривался как проявление ее внутренней свободы вопреки неустойчивому официальному идеалу формальной законности, легко нарушаемой предприимчивыми претендентами на императорский трон при попусти-

тельность их ближайших сторонников из старинных и уважаемых фамилий.

Общим культурно-историческим итогом государственно-правовых перемен периода раннего принципата стало постепенное разрушение традиционной модели идеального гражданина-землевладельца, что сопровождалось усложнением семантического языка природного ландшафта и загородной виллы. Сельская усадьба образованного римлянина стала восприниматься как необходимый элемент формирования его индивидуальности, понятие о которой постепенно шло на смену коллективистскому идеалу общего блага. Тяга интеллектуалов к поиску собственного «я» через эстетизацию ландшафтной среды и создание внешних условий для реализации творческого потенциала личности свидетельствует о постепенном утверждении в правосознании римской социальной элиты приоритетного значения индивидуальных аспектов гражданской самоидентификации.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Цит. по: О сельском хозяйстве. Катон. Варрон. Колумелла. Плиний / Под ред. М. И. Бурского. М., 1957. С. 31.
2. См.: Бурский М. И. Введение. Варрон // О сельском хозяйстве. С. 26 – 38; О взглядах Варрона на сельское хозяйство и принципы организации пространства загородной виллы римского гражданина см., например: Помяловский И. Марк Теренций Варрон и мениппова сатира. СПб., 1869; Сергеевко М. Е. Варрон и его «Сельское хозяйство» // Варрон. Сельское хозяйство / Пер. М. Е. Сергеевко. М. – Л., 1963. С. 3 – 22. См. зарубежную библиографию: Тучков И. И. *Templum mundi*. Л. Б. Альберти об идеале загородной жизни и вилле // Леон Батиста Альберти и культура Возрождения / Отв. ред. Л. М. Брагина. М., 2008. С. 168.
3. Бурский М. И. Указ соч. С. 39. Аппиан. Гражданские войны / Пер. с греч. под ред. С. А. Жебелева и О.О. Крюгера. М., 1994. 1(1 – 35). С. 3 – 27; Заборовский Я. Ю. Аппиан и римская *civitas* в последний век существования республики // Вестник древней истории. 1981. № 4. С. 138 – 144; Моммзен Т. История Рима. М., 1994. Т. 2. От битвы при Пидне до смерти Суллы. С. 54 – 94; Кошчоловский Д.П. К вопросу об упадке хлебопашества в конце Римской республики // Сборник в честь М. К. Любавского. Петроград, 1918. С. 787 – 793; Ферреро Г. Величие и падение Рима. Т. 1. М., 1915. Прил. «О хлебной торговле в древнем мире». С. 331 – 337; Грацианский Н. П. Система полей у римлян по трактатам землемеров // Вестник древней истории. 1940. № 1/10. С. 52 – 63; Грималь П. Цивилизация античного Рима. Екатеринбург, 2008. С. 60 – 62; Смирин В. М. Римская республика в III – I вв. до н. э. // История Европы в восьми томах. С древнейших времен и до наших дней. М., 1988. Т. 1. Древняя Европа / Отв. ред. Ф. С. Голубцова. С. 462 – 467; Бурский М. И. Указ. соч. С. 28 – 38; Сергеевко М. Е. Варрон и его «Сельское хозяйство».
4. Марк Теренций Варрон. О сельском хозяйстве // О сельском хозяйстве. II (1). С. 123.
5. О степени дифформированности Варрона о теории и практике животноводства см.: Бурский М. И. Указ. соч. С. 27; Марк Теренций Варрон. О сельском хозяйстве // О сельском хозяйстве. II (1). С. 123.
6. Там же. II. 1 (2 – 3), (4 – 5). С. 123
7. Там же. II. 1 (6 – 10). С. 126.
8. Там же.
9. Там же. II (2). С. 123.

10. Там же. I. 13 (7). Цит. по: Сергеевко М. Е. Комментарий. К главе 4 // Марк Порций Катон. Земледелие / Пер. и комментарии М. Е. Сергеевко. М., 2008. С. 134.
11. Марк Теренций Варрон. Указ. соч. II (1 – 3). С. 123 – 124. См., например: Ackerman J.S. The Villa. Form and Ideology of Country Houses. L., 1995. P. 78 – 85, 135 – 211. Аподитерий – комната для одевания в бане; палестра – часть гимнасия, предназначенная для упражнений в борьбе; перистиль – колоннада вокруг внутреннего двора или дома.
12. Гай Светоний Транквилл. Указ. соч. II. 28 (3). С. 49, 29 (1 – 5). С. 49 – 50, 30 (1 – 2). С. 50. Об идеологических аспектах внутренней политики Октавиана Августа см., например: Герье В. И. Август и установление Римской империи // Вестник Европы. 1877. № 6 – 8; Машкин Н. А. Принципат Августа. С. 10 – 83 и далее; Его же. Из литературы о принципе // Вестник древней истории. 1938. № 1. С. 116 – 120; Егоров А. Б. Рим на грани эпох. Проблемы рождения и формирования принципата. Л., 1985; Межеричский Я. Ю. «Республиканская монархия». Метаморфозы идеологии и политики императора Августа. Калуга, 1994; Штаерман Е. М. Принципат Августа // История Европы. Т. 1. С. 539 – 557; Bowersock G. W. The Pontificate of Augustus // Between Respublic and Empire: Interpretations of Augustus and his Principate / Edited by Kurt A. Raaflaub and Mark Toher. Berkeley: University of California Press, 1990. С. 380 – 394; Eder W. Augustus and the Power of tradition // The Cambridge Companion to the Age of Augustus / Ed. Karl Galinsky Cambridge, M. A.; New York, 2005. P. 13 – 32; Gruen P. Augustus and the Marking of the Principate // The Cambridge Companion to the Age of Augustus. P. 33 – 51.
13. Плиний Младший III. 8. X 94 – 95. I (18), V (10). Элий Спартиан. Жизнеописание Адриана / Пер. С. П. Кондратьева. Под ред. А. И. Доватура // Scriptores Historiae Augustae. Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана. М., 1992. XI (3). С. 12.
14. Об источниках, которыми пользовался Светоний см., например: Гаспаров М. Л. Светоний и его книга // Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей / Пер. М. Л. Гаспарова. М., 1990. С. 224 – 240; Гай Светоний Транквилл. Указ. соч. II (11 – 12). С. 41 – 42, 13 (1 – 3). С. 42, 14 – 15. С. 42 – 43, 19 (1–2). С. 45, 68. С. 64, 69 (1 – 2). С. 68 – 69, 70 (1 – 2). С. 65, 71 (1 – 4). С. 65 – 66, 51 (1–3). С. 58 – 59, 52 (1 – 3). С. 59 и далее.
15. Там же. II 43 (5). С. 56, 43 (1). С. 55, II 30 (5). С. 51. Об архитектурной концепции Рима в период принципата Августа и его ближайших преемников см.: Блаватский В. Д. Архитектура Древнего Рима. М., 1938; Грималь П. Цивилизация Древнего Рима. С. 288 – 350.
16. Гай Светоний Транквилл. Указ. соч. II 38 (3), 39. С. 53 – 54, 40 (1 – 2). С. 53 – 54, 40 (3 – 5). С. 55, 18 (2). С. 44, 42 (2 – 3). С. 55.
17. Там же. II 72 (2 – 3). С. 66, 74. С. 67; II 89 (2). С. 71, 73. С. 66 – 67, 75. С. 67, 72 (1 – 3). С. 66, 82 (1 – 2). С. 69. Перистиль – прямоугольный внутренний двор с бассейном или водоемом, окруженный со всех сторон крытой колоннадой.
18. Марк Витрувий Поллион. Об архитектуре. Десять книг / Под ред. А. В. Мишулина. М., 1936. I III (2). С. 30, I (10). С. 23, I (1 – 9). С. 20 – 23. См.: Михайлов Б. П. Витрувий и Эллада. Основы античной теории архитектуры. М., 1967. С. 132 – 134. На основе сравнительно-исторического исследования широкого круга античных источников автор приходит к обоснованному выводу, что общим требованием греко-римских архитектурных концепций было требование комплексной оценки «здоровья местности». Составной частью указанного понятия являлось представление о «здоровье политическом», которое предполагало создание гармоничной природно-среды для развития государственного строя, гражданской жизни, методов управления и личности правителей в интересах общего блага. О некоторых политических аспектах архитектурной теории и практики Древнего Рима см.: Тучков И. И. Указ. соч. С. 117 – 118.
19. Витрувий // Словарь античности / Сост. Й. Ирмшер, Р. Йоне / Пер. с нем. под ред. В. И. Кузицина. М., 1989. С. 106; О проникновении эстетических настроений в патрицианскую среду вт. пол. I в. до н. э. и социокультурных особенностях восприятия природы в качестве образа красоты римскими интеллектуалами см., например: Грималь П. Указ.

- соч. С. 206 – 248; Марк Витрувий Поллион. Указ. соч. VI. II (1). С. 158 – 159; Об отражении античного космизма в формировании архитектурной концепции частной виллы см., например: Тучков И. И. Указ. соч. С. 117; Его же. Классическая традиция и искусство Возрождения (росписи вилл Флоренции и Рима). М., 1992. С. 3 – 41 и далее.
20. Луций Юний Модерат Колумелла. О сельском хозяйстве // О сельском хозяйстве. I. Предисловие. (11 – 12). С. 158, (20). С. 160, (31 – 32). С. 162
21. Там же. III. 3 (3). С. 184.
22. Петропий Арбитр. Сатирикон. / Под ред. Б. И. Ярхо. Репринт с издания 1924 г. М., 1990. LXXVII. С. 121 – 122.
23. Там же. LXXI. С. 127, XXXVIII. С. 86, XXXIV. С. 82.
24. Луций Юний Модерат Колумелла. Указ. соч. I. Предисловие (1 – 3). С. 157, (4 – 7). С. 158, (15 – 17). С. 160.
25. Там же. I. Предисловие (29). С. 162; (3). С. 157.
26. Там же. I. Предисловие (17 – 20). С. 160.
27. Там же. I. 3. (9 – 11). С. 168; I. Предисловие (13). С. 159.
28. Там же. I. Предисловие (22 – 28). С. 160; Там же. III 20 (4). С. 206, III. 2. (2). С. 178, III. 21.(2 – 4). С. 207.
29. Там же. I. 4 (6 – 9). С. 170, I. 5. (2 – 6). С. 171.
30. Там же. I. 4. (1 – 2). С. 169, I. 5. (8), 6.(1 – 2). С. 172.
31. Влияние просенатского направления древнеримской историографии хорошо прослеживается в творчестве Гая Светония Трапквилла и Корнелия Тацита.

Elena S. Sokolova

SEMANTICS IMAGE CITIZEN LANDOWNERS AND “DECLINE OF MORALS” IN LATIN NARRATIVE TRADITION OF THE EARLY PRINCIPATE: EXPERIENCE OF POLITICAL AND LEGAL RECONSTRUCTION

Abstract: This paper addresses the problem of the traditional model citizen landowner, which was destroyed in the Early Roman Empire. This process was accompanied by the increasing complexity of the semantic language of the natural landscape and suburban villas. Author notes falling moral values of the republican period. This was due to the process of territorial expansion of Rome and the gradual strengthening of the administrative structures of imperial type.

Keywords: ancient Rome, a citizen-landowner, rural villa, Principate. Octavian Augustus, Varro, Columella, Vitruvius.

А.А. Постникова

Постникова Алена Александровна, аспирант кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета